

Главный критерий оценки писателем своих героев-императоров — их качества государственных деятелей. Одни из них ревностно занимаются делами управления (Василий II, Исаак Комнин), другие ими пренебрегают (Константин VIII, Константин IX Мономах); одни сведущи в науке правосудия (Константин X), другие не знают ни законов, ни канонов и судят по своему разумению (Михаил IV) и т. д. Щедрость — традиционная добродетель византийских императоров — почти непременно отмечается Пселлом, причем ее избыток, расточительность встречается постоянное осуждение (Константин VIII — Chron., I, p. 26; Роман III Аргир — *ibid.*, p. 35; Константин IX Мономах — *ibid.*, p. 132; Константин X — *ibid.*, II, p. 145).

С особой подробностью говорится обычно об отношении императора к подданным. Если одни монархи обращаются с ними милостиво и не позволяют гневу увлечь себя (Константин Мономах), то другие устрашают окружающих своей суровостью и не прощают даже незначительных провинностей (Роман III Аргир, Михаил V, Василий II). «Милостивые» императоры пользуются наибольшим уважением писателя, традиционная императорская *φιλανθρωπία* — одно из наиболее ценимых свойств.

Нередко привлекает внимание Пселла такая черта героя, как стремление к самовластию или, напротив, желание иметь советников (в роли последнего нередко фигурирует сам автор).

Набор эпитетов и характеристик, относящихся к уму и нравственной природе персонажей в «Хронографии», велик и разнообразен.

Чисто оценочные характеристики, рожденные льстивой преданностью или благочестивой ненавистью, столь частые у предшественников Пселла и в его собственных эвкомиях, в «Хронографии» редки (большая часть восторженных описаний приходится на эвкомиастические жизнеописания Константина X и Михаила VII). В подавляющем большинстве случаев Пселла стремится указать на какие-то конкретные качества (наглость, лукавство, лицемерие и т. д.). Обращает на себя внимание следующее: среди многообразных определений одна черта почти непременно встречается в характеристиках писателя — герой-император по своему нраву бывает ласковый (*γλυκός*) или суровый (*στερρός*), мягкий (*μαλακός*) или грубый (*τραχύς*), сострадательный (*συρπαθής*) или гневливый (*δύσσορος*), улыбчивый (*εὐκίνητος πρὸς μεδίαια*) или озабоченный (*πεφροντικός*) и т. д.

Если бы нам ничего не было известно о самом Пселле, то уже из акцентов его характеристик императорских особ можно было бы достаточно отчетливо представить себе облик писателя. Человек, ценящий дарование гораздо больше, чем благородное происхождение; скорее ученый и ритор, чем воин; человек, при всем своем христианском благочестии, свободомыслящий, влиятельнейший государственный деятель, привыкший поучать самодержцев, и в то же время придворный льстец без достоинства, судьба которого зависит от улыбки или нахмуренных бровей повелителя, — таким является нам Пселл, автор императорских жизнеописаний, таким знаем мы его по многочисленным письмам и откровенным признаниям в других сочинениях. Такое косвенное «самораскрытие» автора византийской хроники само по себе весьма знаменательно: субъективное мироощущение, а не обязательный набор качеств было исходной позицией, той мерой, с которой писатель приступал к изображению героев.

* * *

Специфика пселловского метода проявляется уже в первоэлементах характеристик — обрисовке отдельных свойств. Начнем с примеров из короткой и компактной биографии Константина VIII. «Сильный телом, он был труслив душой» (Chron., I, p. 25); «Легко поддающийся гневу, он не был чужд и сострадания. . . в отличие от брата Василия гневался